

Пономарев Валентина

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

347
 Кто она на самом деле? Кто она, способная так неожиданно двинуться и множиться в своем творчестве? Глядя на конверт пластинки Валентины Пономаревой «Искушение», с которого, как с картин Врубеля, смотрят магнетические и inferнальные глаза цыганки, невольно задаешься вопросом — сколько в ней разноразличных сил, разрывающих полюсов притяжения и отторжения, сколько в ней судеб и женщин?.. Одна — это волиница, ковыль и лилово-пурпурный чертополох степи, ржанье лошадей, кибитки, трескучие искры костра, тревожащее и веселое дрожание мониста, пламень заката и низко стелящийся, тяжелый предутренний туман, завораживающая, упрямая сила «Невечерней». Другая — изысканно-томная женщина прокуренных салонов на фоне увядших хризантем и погасших каминов, на фоне легких экипажей и изящных ландо, несчастная и жертвенная, безоглядная и отчаявшаяся в своей безответной любви... Или подлинная она — эта, вся из «кровото-

ченья звуков», всплесков, варварских, доэстетических всхлипов, переливов и рокока морской гальки, таинственной, инoplanетной тоски, криков и режущих воздух взмахов крыльев ночных птиц, застывшей, оледеневшей страсти, шепотов и стонов...
 Премьера в кино-концертном зале «Россия» сольной программой певицы Валентины Пономаревой «А напоследок я скажу», появление пластинки с таким же названием и выход джазового авторского диска «Искушение» произошли почти одновременно. Несмотря на стойкий успех и признание трио «Ромэн», просуществовавшего на эстраде почти двадцать лет, участницей и центром которого была когда-то Пономарева, популярность и всеобщую любовь она приобрела лишь после выхода фильма Эльдара Рязанова «Жестоким романс», где за кадром исполняла романсы Андрея Петрова на стихи Беллы Ахмадулиной, Марины Цветаевой и самого Рязанова. С той поры романс «А напоследок я скажу» во-

шел в каждый дом и стал визитной карточкой певицы.

Парадоксально, но среди профессионалов и музыкальной «элиты» она давно признана как ведущий мастер авангардного свободного джаза, мастер оригинальных и виртуозных джазовых импровизаций. Да и сама певица долгое время избегала романсов, цыганских песен, считала их чем-то для себя вторичным. Чтобы понять, насколько серьезно относятся в джазовом мире к поискам Пономаревой в этом жанре, достаточно сказать, что в Англии выпущено уже четыре ее пластинки. У нас с трудом пробился первый диск — «Искушение». И, казалось бы, мечта певицы осуществилась, но... Словно наперекор такой доброжелательной нынче удаче, она готовит вечер русских и цыганских романсов. Успех оглушительный, против ожидания администрации зала «Россия» толпа желающих попасть на единственный концерт намного превосходила возможности...



на, Петра Лещенко выходят огромными тиражами и почти мгновенно расходятся?

— Я сама несколько удивлена, удивлена, что в зале много молодежи. Если судить по письмам и запискам зрителей — они вряд ли дадут ответ: «Мы устали от шума, ритмичной, агрессивной музыки». Привожу эти слова лишь потому, что меня, фанатика джаза и рока, нельзя уличить в предвзятости.

— Если позволите, я тоже попробую потеоретизировать. Думается, люди не столько устали от шумной музыки, сколько от того, что их то и дело от чего-то пытаются оградить. Недавно — от джаза и рока, но перед этим десятилетиями внушалось, что любовь к романсам — признак дурного вкуса, «цыганщина», мещанство, пошлость, тому подобное. Сейчас, мне думается, люди стали свободней в проявлении своих истинных вкусов и меньше доверяют тем, кто без всякого на то основания пытается давать уроки хорошего тона, выставляя за их пристрастия к тому или иному жанру отметки. С другой стороны, при всем многообразии современного искусства, при всей изощренности, изобретательности авангарда, при несомненной ценности открытия новых форм — здесь, как правило, тяготение к обобщению, к символу, они отходят от переживания конкретного человека. Современное искусство утрачивает одно из основных определяющих свойств — способность вызывать сопереживание, давать зрителю, слушателю повод для идентификации себя с героем фильма, спектакля, романа.

— Но ведь оттого, что жизнь стала грубее, динамичней, что способ выражения наших чувств и эмоций стал внешне упрощенней, суше, от этого сами чувства, сама потребность в полной мере их расходовать не исчезли.

— И все же искусство, призванное восполнить этот эмоциональный, духовный дефицит, на самом деле его не восполняет. Стали редки жанры, где демократический зритель находит отдушину. Не случаен успех «Рабыни Изауры» — пусть примитивно, пусть убого, но она дала повод для сопереживания. А романс, на мой взгляд, — это тоже мелодрама в миниатюре, чаще всего небольшая новелла о несчастной любви. И это интересно, — время возникновения романа как жанра и время расцвета мелодрамы совпадают — середина прошлого века.

— Романс «Нищая» на слова Беранже по своей эмоциональности, по своему «сюжету» вполне сопоставим с «Дамой с камелиями» Дюма-сына и мог бы стать основой для очередной мелодрамы великого драматурга... Боже, сколько я видела слез во время исполнения «А напоследок я скажу»! Значит, слушатели находят в нем какую-то переключку со своей судьбой. Но самое большое творческое удовлетворение мне дал даже не престижный концерт в «России», а недавние гастроли в Донецке, Макеевке, Горловке. Мы оказались там в первые дни забастовки. Плановые гастроли, а здесь забастовка. Сорвался лишь первый концерт и только потому, что растерялись организаторы. Но все остальные концерты шли при полных залах. Такого отзывчивого, чуткого зрителя, как там, я редко встречала. Людям в эти напряженные дни огромной духовной концентрации были необходимы песни, романсы — они оживали, расцветали. Концерты я завершала цыганской пляской и всегда — взрыв радости, веселья. И это в момент, когда они впервые за многие десятилетия так серьезно и прямо заявили о своих человеческих правах... Все же уверена, что нет времени, когда музы молчат. И каждая из муз, если она имеет душу, своевременна — муза джаза, и муза романса, и муза цыганской песни.

После нашего двухчасового разговора певица выглядела уставшей. Последнее, о чем подумалось, о быстротечности времени. Вопрос «Кто вы, Валентина Пономарева?» даже еще сравнительно недавно обязательно принял бы злобующую окраску. Обязательно нашлись бы блюстители идеологически зрелого искусства, которые обвинили бы ее в насаждении мещанских вкусов и упаднических настроений или в идеологической диверсии, в тяге к разлагающей заразе космополитического джаза. Да, время быстро течет. Но в судьбе одного человека, одного поколения два-три десятилетия — это целая жизнь. Так послушаем еще и еще раз встретиться с певицей Валентиной Пономаревой на ее концертах или пластинках, а будет ли это романс или джаз...

Интервью вел П. КУЗЬМЕНКО.

ИСКУШЕНИЕ РОМАНСОМ

— Валентина, перед нашей встречей я просмотрел публикации о вас, в основном они касаются джаза. Это отражает ваше кредо или случайность?

— Время такое, что удобнее писать о джазе. Он вырвался из-под запрета, и в этом есть острота, конфликтность. С другой стороны, этот жанр мне дался кровью, в джазе у меня уже набран определенный уровень, а к романсу я только подхожу. Романс требует большой человеческой зрелости, если угодно, жизненного опыта, опыта горечи жизни.

— Означает ли это, что программа романсов — это лишь эпизод и главным средоточием ваших творческих усилий останется джаз?

— Напротив. Я чувствую, что для меня в джазе наступил период остановки, передышки, несмотря на недавние успешные выступления в Японии и Швейцарии. В Японии это были даже не концерты, а своеобразная творческая мастерская десяти джазменов — четырех японцев, двух американцев, четырех советских — Владимир Чекасин, Владимир Тарасов, Сергей Курёхин и я. А в Швейцарии проходил большой фестиваль авангардного искусства, в том числе и джаза. Было много концертов, в которых с нашей стороны, помимо меня, участвовали и трио «О», и ленинградский дуэт — Владимир Волков, Вячеслав Гайворонский, и квартет Чекапина, Тарасов, группа «Архангельск» и еще ряд исполнителей. В Швейцарии мы наконец познакомились со своим английским издателем Лио Фегиним — для нас действительно волнующее событие. Он специально приехал для этого на фестиваль и привез нам отписки четвертого английского диска «Вторжение». Лио Фегин — один из немногих западных продюсеров, которые выпускают диски советской авангардной музыки. Например, он выпустил довольно много пластинок трио Ганелина и Курёхина.

— Насколько я знаю, название диску дала девятнадцатиминутная композиция «Вторжение», построенная как «дуэт» вашего голоса и барабана. Очень мощная. В ней, как в «Болеро» Равеля, есть какое-то завораживающее «действие», нечто ритуальное и фантастическое. Жаль, что этой композиции нет на советском диске.

— Она была записана позже, чем диск «Искушение», но вышла раньше. Интересная история ее появления. Мы летели с Володей Тарасовым на фестиваль джаза в Хабаровск, на мою родину, куда хотелось прилететь с чем-то новым, свежим, специальным для фестиваля. Начали импровизировать. Так в са-

молете были намечены основные темы, а на концерте мой муж Константин Гогунский (он и звукорежиссер, и гитарист, и администратор) записал ее. О существовании этой записи я узнала только в Москве.

— Признаться, когда я прослушал ваши диски, мне показалось, что определение «джаз» очень условно для них. М. Райкина в статье о вас в журнале «Огонек» определила ваш стиль как фри-джаз (свободный джаз), тоже весьма приблизительное определение. Как бы вы сами обозначили свой стиль и есть ли ему аналоги?

— Сейчас понятие «авангард» настолько размыто, что могу лишь сказать: мой стиль — это попытка выразить свои эмоции, духовное состояние всеми доступными человеческому голосу средствами, когда даже вокал перестает быть главным, а главным, ведущим становится внутренняя драма, конфликт. Здесь любые средства применимы — крик, шепот, шепот, клёкот в горле «зажато» звука. Найдя для себя этот стиль, поняв, что это мое, я стала искать единомышленников — и нашла, есть певицы, работающие в этом направлении. Но наиболее «родственную душу» я обрела в греческой певице Диаманде Галас, которую очень люблю и слежу за ее пластинками. Нас часто сравнивают, особенно в зарубежной прессе, но говорить о влиянии или взаимовлиянии невозможно. Первые наши пластинки вышли почти одновременно. Кстати, в последнем ее диске есть нечто близкое «Искушению» и «Вторжению». Любопытно было бы с ней познакомиться, надеюсь, когда-нибудь это произойдет.

— Валентина, не кажется ли вам, что при всей изысканности, виртуозности и оригинальности диска «Искушение» он несколько рационален? (Мне так не кажется. Вопрос провокационный).

— Не знаю, надеюсь, что вы не правы, хотя так бывает с тем, что долго вынашивалось, шлифуешь.

— Возможно, это ощущение идет от некоторой агрессивности вашего стиля.

— Я бы назвала это не агрессивностью, а болью. Я когда надеваю черный балахон, а на джазовых концертах — это мой традиционный костюм, я словно «надеваю» состояние. Это состояние отчаянной боли, почти остервенения, и надо себя сдерживать, но все равно в этот момент хочется востребовать по всем счетам. За то, что столько лет я пепа джаз «нелегально», хотя была им одержима и чувствовала, что могу сделать много. За то, что, попав после Хабаровска в Москву, в театр «Ромэн», пепа в хоре, где-то на втором плане. Я начинала с нуля, а то что могла делать, никому было не

нужно. Жила без прописки, одна с сыном на 75 рублей, а сына скрывала, иначе бы меня просто не приняли в театр... За то, что во время зарубежных гастролей трио «Ромэн», тайком бродила по ночным городам, искала джаз-клубы, где пела, обязательно получая за это «замечания по поездке», слышала угрозы, что стану «невьездной», словно я совершила преступление против Родины. Да и трио «Ромэн» распалось из-за моей тяги к джазу. Мои партнеры ревновали меня к нему, считали параллельные джазовые эксперименты предательством по отношению к тому, что мы делали, ведь мы всегда пользовались успехом. «Ромэн» с момента появления, резко набрав высоту, сохранял свою популярность на протяжении двенадцати лет. Пусть новых взлетов не было, но и снижения уровня тоже. Мы полмира объездили с гастролями и везде встречали признание... Но я уже не могла, понимала: уходят годы, а что-то главное остается нерезализованным. После распада трио «Ромэн» — полоса растерянности, не знала, что делать — ни денег, ни славы. А потом получила предложение петь в фильме «Жестоким романс». Обрушились мешки писем, сотни звонков. Взрыв какой-то. И так, один романс, потом другой, третий, цыганские песни... Обычный состав моей группы: Константин Гогунский — гитара, Олег Пономарев — скрипка, фортепиано, Кирилл Чаплыгин — гитара.

— В программах трио «Ромэн» основу составляли оригинальные аранжировки цыганских песен, романсов. Например, в романс «Луны волшебной полосы» вплеталась музыка Шопена. На концерте в «России» вы впервые исполнили «Ямщик, не гони лошадей» с джазовым вокализмом. Не означает ли это, что в ближайшее время вы попытаетесь соединить джаз с романсом или цыганской песней?

— Нет, я сторонница чистых жанров. «Ямщик, не гони лошадей» — это исключение, на которое я была когда-то спровоцирована Еленой Камбуровой. Очень люблю эту певицу, и вот однажды на ее концерте услышала, как в романсе «Ямщик, не гони лошадей» она использует вокализ. Слушаю, а горло разрывается от желания запеть. Задела она во мне что-то, и я решила сделать свой вокализ. И вот я с Олегом попробовала эту переключку голоса и скрипки. Кажется, получилось.

— И очень эффектно. Но самым сильным впечатлением от концерта для меня стала «Невечерняя». Насколько я знаю, она живет с вами с момента вашего дебюта. Ведь он состоялся в

Хабаровске после окончания музыкального училища, в спектакле «Живой труп», в роли Маши. И довольно странно, что вы пришли к цыганской песне, романсу поздно, ведь вы из артистической семьи, фамилия Пономаревых достаточно известна.

— Да, мама — пианистка, отец — скрипач, он работал в театре «Ромэн», что сыграло определенную роль, когда я устраивалась в эту труппу. Но ничего не могла делать «по-цыгански». В молодости ни бабок, ни теток не слушала, слушала только джаз.

— Свой концерт и вторую часть пластинки «А напоследок я скажу» вы открываете романсом «Нет, не любил он» — с моей точки зрения, это очень тонко и деликатно выраженная дань уважения и восхищения Ниной Алисовой — неповторимой исполнительницей этого романса из старого фильма «Бесприданница», а завершает концерт романсом «А напоследок я скажу» из новой киноверсии «Бесприданницы» — «Жестоким романс», который принес вам славу и, уверен, теперь навсегда связан с вашим именем. А каков вообще ваш принцип выбора репертуара?

— Хотя я пою часто известные вещи, но пишу редко исполняемые. Воюсь романсов популярных, ведь, как правило, они неотторжимы от того или иного исполнителя. Например, «Две гитары» — от Николая Сличенко, «Я ехала домой» — от Рады Волшаниновой, «Нищая» и «Только раз бывают в жизни встречи» — от Изабеллы Юрьевой.

— Очень символическим и волнующим на вашем концерте был момент, когда вы, начиная второе отделение, объявили, что в зале находится Изабелла Юрьева, преподнесли ей цветы, и зал стоя приветствовал прославленную певицу.

— В антракте я получила записку: «В зале находится Изабелла Юрьева». Можете представить, насколько это меня тронуло и сколько это доставило мне волнений — ведь она личность уже историческая и исполнительница романсов редкостная. Некоторые даже сочли, что этот момент в концерте был запланирован и отрепетирован. В одной из статей, правда, корреспондент приводил ее очень лестные отзывы обо мне. А вот посещение ею моего концерта для меня куда более значительное проявление ее человеческой и профессиональной щедрости, это ко многому обязывает.

— С чем вы связываете такой неожиданный интерес к романсу сегодня, ведь пластинки Изабеллы Юрьевой, Тамары Церетели, Вадима Кози-